

Теперь он был полностью в моей власти — человек, чьей смерти я желал больше всего на свете. Я видел, как он ходил, напевая, по своему гостиничному номеру без кондиционера — или просто он не хотел его включать, боясь простуды. Легкая занавеска, взрываясь от внезапного порыва ветра, открывала его, должен признать, красивую массивную голову — всю, от затылка до подбородка, в завитках седеющих черных волос — и его сильный, немного кургузый торс в дурацкой майке с Эйфелевой башней, какую может купить только турист, да и то в подарок. Но, странное дело, теперь, когда его жизнь отделяло от смерти легкое движение моего указательного пальца, я уже не спешил. Я и сам не знаю почему. Боялся промахнуться и ждал, когда перед сном он весь появится в проеме окна, чтобы закрыть ставни? Решил насытиться сознанием того, что он в моих руках? Или просто хотел еще раз всё вспомнить, чтобы с его смертью окончательно перевернуть эту страницу своей жизни? Не знаю, правда, не знаю!

Сейчас я снова увидел себя со стороны, что я делаю довольно часто в нормальном режиме. Даже не только со стороны, а и немного сверху. Эта точка, с которой наблюдающий — я — следит за наблюдаемым — тоже мной, находится, по нашим общим наблюдениям, где-то

на расстоянии двух рук, вытянутых под углом сорок пять градусов. То есть немного свысока, но с расстояния достаточно близкого, чтобы ничего не упустить. И виден был с этого расстояния загорелый, кареглазый, черноволосый мужчина сорока четырех лет, который, не будучи мусульманином, охотно позаимствовал из этой религии — но это могло быть любое другое, ему известное верование — то, что в данный момент его устраивало. А устраивало его в нынешней ситуации то, что его частные побуждения, то есть, если называть вещи своими именами, планируемое убийство, превращались в органичный элемент миропорядка, вернее, мерной неумолимой поступи происходящего ежесекундно делания жизни. Все это обозначалось одним арабским словом «мехтуб», «так написано», и эту запись в книге судеб должен был, как считал наблюдаемый, то есть я, занести именно он, то есть опять же я.

Он — теперь я опять говорю о том человеке в проеме окна напротив... Хм, смешно, но я даже не знал его имени. Я и видел-то его мельком и всего лишь третий раз в жизни — или второй, я точно не знаю. Однако ассоциацию он у меня вызывал такую. В 70-е годы — я еще жил в Москве — в среде прозападных утонченных интеллектуалов был популярен певец Жорж Мустаки. Он был композитором — писал еще для Эдит Пиаф, — а потом сам вышел на сцену. У Мустаки был один хит — тогда мы говорили «шлягер» — «Метек». По-французски это значит «бродяга», и обыгрывалась в песне его собственная внешность — курчавая шевелюра, курчавая борода. Вот и этот парень в доме напротив был такого типа.

Разумеется, сейчас выяснить имя этого Метека было бы несложно. Дождаться, когда он выйдет,

пересечь узенькую, с десятков шагов, улочку Генерала Ланрезака и справиться в его гостинице. Отель назывался «Бэлморэл», как шотландская резиденция английской королевской семьи, но французы произносят «Бальмораль», получается «Пристойные танцы». Заведение действительно выглядело пристойно, совсем не того рода, где можно снять комнату на час; но мысль о моральных танцах в его стенах все равно вызывала у меня улыбку.

Я туда, разумеется, не заходил и даже не помышлял об этом. Что бы я там ни наплел портье, он наверняка сказал бы своему гостю, что им интересовались, и уж точно вспомнил бы мой визит, когда полиция обнаружит тело. Если, конечно, до этого дошло бы — в нашей, в нашей с Метеком, общей профессии достаточно малейшего тревожного сигнала, чтобы сняться с места и поменять две-три страны, прежде чем уговориться.

Да и зачем мне знать, как зовут моего врага? Ведь и путешествует он, разумеется, с паспортом на чужое имя. Свое настоящее, которое только помеха в накатанной заимствованной жизни, он наверняка давно уже не вспоминает. Как, впрочем, и я свое.

В более чем скромной гостиничке «Феникс» напротив «Бальморалья» я зарегистрировался как Эрнесто Родригес. Я пользовался этим прикрытием уже в третьей поездке, что, конечно, было на грани, но пока еще допустимо. В качестве Эрнесто Родригеса я нигде не наследил, и у меня был на это имя настоящий, внушающий уважение синий паспорт гражданина США, достать который, как я представляю, Конторе было не просто. Теперь, естественно, с ним придется проститься, и я даже не смогу объяснить почему. Хотя придется

что-то придумать. Представляю себе блеклое, бородавчатое лицо моего куратора, Эсквайра, если бы он узнал, что, прилетев в Париж на достаточно непростую операцию, я воспользовался этим, чтобы ликвидировать своего личного врага, случайно замеченного на террасе пивной на Елисейских полях! У Эсквайра и без этого такое выражение лица, словно на его вытянутой вперед верхней губе находится кусочек говна, который ему приходится постоянно нюхать.

Ну да бог с ней, с Конторой! Ей про мой личный счет к Метеку знать не обязательно. Да она и не узнает, если я не оставлю следов! Пока вроде бы не оставил, но лучше еще раз прокрутить всё в голове, пункт за пунктом.

Во-первых, регистрация. Паспорт на имя Эрнесто Родригеса меня, естественно, никто не просил показывать, но вдруг кому-то это взбредет в голову в связи с каким-либо происшествием или повальной проверкой отелей из-за, скажем, теракта? Так что в регистрационной карточке я честно указал имя из паспорта. В графе «домашний адрес» я написал Лос-Анджелес, США, и этого хватило. Если бы попросили подробнее, я бы положился на вдохновение и указал что-нибудь типа Грант-авеню, дом 3411. Европейцев, не знающих американской системы нумерации зданий, всегда впечатляют безумное, по их мнению, количество зданий на одной улице. На самом деле первые две цифры обозначают порядковый номер квартала, в котором может быть всего-то пара домов. А один из реальных почтовых индексов в Лос-Анджелесе у меня всегда имеется в голове на такой случай: 90025. То, что мы называем Лос-Анджелесом, площадью примерно с Бельгию, но вдруг кто-то бывал в тех краях?

Дальше. Платить наличными всегда немного подозрительно, но у меня на этот случай разработана система. Я достаю кредитную карточку, кручу ее перед портье и объясняю, что она почему-то не срабатывает, видимо размагнитилась, и мне пришлось поменять дорожные чеки. Так что я оплачу вперед наличными, идет? Вы видели, чтобы кто-то отказывался от наличных, да еще вперед? Вот и в «Фениксе» портье — полный, почти лысый, наверняка выглядящий старше своих лет алжирец — с улыбкой произнес: «Как Вам будет угодно, месье!» — и ловко распахал банкноты по ящичкам своей конторки.

В гостинице меня пока мог разглядеть только он. Вчера я въехал в «Феникс» после обеда, потом отправился ночевать в отель «Де Бюси», где я иногда останавливаюсь в Париже, а сегодня постарался прийти не слишком рано, в половине десятого, в надежде, что днем дежурит один и тот же служащий. Так и оказалось. Портье приветствовал меня как старого знакомого, который еще при его ночном сменщике выходил побродить по городу, наслаждаясь утренней свежестью. Так что вряд ли кто-то заметил, что я в своем номере не ночевал.

Теперь горничная. Я столкнулся с ней утром — арабская матрона с пуфиками вместо груди и живота, одетая в необъятный зеленый халат, из-под которого торчат розовые шаровары и ноги в шлепанцах. Она уже жужжит пылесосом на этаже и вот-вот доберется до моего номера. Постель я на всякий случай распотрошил еще вчера вечером перед уходом, туалетные принадлежности расставлены на узенькой полочке перед зеркалом со слегка взбухшей внизу амальгамой, пакетик с мыльцем открыт — бумажка в мусорной корзинке

с педалью, само мыльце обмылено, влажное полотенце брошено на край раковины. В шкафу на проволочных плечиках висит пара рубашек — летом какие вещи?

Больше меня в «Фениксе» никто не видел, разве что какая-то пара азиатской внешности, но говорившая по-русски — видимо, казахи. Они вышли из лифта, которого я ждал, чтобы подняться на свой третий этаж. Но меня они даже не отметили, а завтра-послезавтра они вообще уедут, и полиции до них в жизни не добраться.

Да и кого все эти люди видели? И вчера, и сегодня я ездил на метро: в будние дни из-за заторов по поверхности передвигаться есть смысл разве что на роликах или на вошедших в моду самокатах. К тому же мне нужно было проверять, не появился ли в условном месте условный знак. Но метро было удобно еще с одной точки зрения.

В паутине подземных переходов под площадью Звезды всегда можно найти время, когда вокруг никого. Особенно у выхода на авеню Карно, самого дальнего от Елисейских полей. Вчера я попал в момент, когда не было ни души, а сегодня подождал минуту, пока пробежала, стуча каблучками, явно опаздывающая дама. Типичная парижанка — не так чтобы красивая, но очень ухоженная, волосок к волоску, строгий костюм, несмотря на жару, облако терпких духов, оставшееся в ее кильватере. Я даже не дожидался, пока она исчезнет, чтобы одним отработанным движением наклеить усы, потом топорщащиеся густые брови — они, как усы и бороды, притягивают взгляд, и люди уже не смотрят на черты лица. Потом я вошел на свой коротко остриженный череп черный, как воронье крыло, лоснящийся парик, превративший

мое и без того смуглое лицо в гордого потомка инков или ацтеков. Теперь узнать во мне остановившегося на другом конце города, в Латинском квартале, Пако Аррайю — под этим именем я живу официально, хотя и оно не мое, — мог бы только опытный человек. Гостиничные портье, как и полицейские, таможенники, частные детективы и прочие ловцы людей, смотрят в глаза и узнают людей по взгляду. Но на этот случай — благо, опять же, лето! — есть солнечные очки.

Так, теперь багаж. Я въехал с черной кожаной сумкой через плечо. Она достаточно вместительная, чтобы туда можно было положить необходимые на три-четыре дня вещи, то есть выглядит как багаж, с которым можно путешествовать налегке, и, что важно, заезд в отель всего лишь со своим бумажником всегда вызывает подозрения. И в то же время с такой, достаточно небольшой, сумкой удобно просто выйти в город. Особенно, если вы планируете, например, побродить часок-другой в ближайшем «ФНАКе» — это такая ловушка для образованных людей, где продаются книги, диски, видеокассеты, электроника и прочие игрушки для взрослых. Так что, когда я уйду из «Феникса» с сумкой через плечо, в которой будут все мои пожитки, портье не придет в голову — поскольку я заплатил сразу за три ночи вперед, — что я уезжаю навсегда.

Но я отвлекся, хотя и не спускал взгляда с его окна. Вот Метек снова прошелся по своему номеру за бующей занавеской, то и дело вылетающей наружу, на грязно-серые кованые перильца, которые, по замыслу архитектора, должны были удерживать от падения на головы прохожих горшки с цветами — которых, разумеется, не было. Вытирая полотенцем голову, он подошел к окну. В такой ситуации промаха быть

не могло, но я не был готов стрелять, да и, как уже говорил, не спешил.

Это было странное ощущение. Вот он высунулся наружу в своей нелепой майке с вышитой цветными нитками Эйфелевой башней, зажмурился от яркого июльского света, протянул руку, как бы делая замер температуры — день снова обещал быть жарким, за тридцать, — со счастливой улыбкой провел взглядом по серой стене дома напротив, того самого, откуда за ним наблюдал я. Меня он видеть не мог — я сидел в глубине комнаты, к тому же этажом выше — охотник должен находиться выше добычи, если, конечно, он охотится не на белку. Метека жара явно не пугала: с той же блаженной улыбкой он проводил глазами рычащий на весь квартал мотоцикл с двумя инопланетянами в черной коже и с блестящими серебряными сферами вместо голов. Он и предположить не мог, что со вчерашнего дня не Господь Бог, а я сжимал в кулаке нить его жизни и был готов разорвать ее в любой момент по собственной прихоти.

Метек еще раз провел полотенцем по мокрым волосам и, отвечая своим мыслям, вдруг как-то трогательно сжал губы и сморщил лоб. Так сделал бы человек, ведущий внутренний диалог с кем-то близким. И на мгновение лицо моего злейшего врага, обрамленное от тмени до подбородка курчавыми седеющими черными волосами, — лицо нью-йоркского театрального критика, французского писателя, итальянского журналиста, греческого художника, лицо еврейского интеллектуала неопределенной, общемировой национальной принадлежности — стало вдруг беззащитным. Так бывает, когда вдруг исчезают все заботы, всё тугое сплетение обстоятельств, которые заставляют вас жить этой

жизнью, заниматься этой профессией, выходить по утрам из этого дома, спать с этой женщиной, воспитывать этих детей. И на секунду, на долю секунды, я, который, несмотря на свою профессию, никогда никого не убивал, вдруг усомнился, смогу ли я сделать это сейчас.

Но только на долю секунды. Хотя на его лице и было написано открытое, вытеснившее все иные чувства блаженство, какое спонтанно всегда хочется разделить или, по крайней мере, отметить понимающей улыбкой, это был человек, который семнадцать лет назад застрелил мою жену и моих двоих маленьких детей.

Нет, эти воспоминания я положительно не был готов ворошить. Наблюдающий меня видел, как я сидел, тупо покачиваясь, на кровати, небрежно брошенной тяжелым покрывалом с желтыми цветами на синем фоне, и главным моим занятием в эти минуты было не дать проявиться картине, сотни раз прокрученной через сознание — и через подсознание в тысячах кошмарных снов. Из этого липкого оцепенения меня вырвал телефонный звонок.

Как раньше можно было жить без мобильных телефонов? Тебя можно было локализовать, как только ты говорил «Алло!» — сразу становилось ясно, в какой ты стране, в каком городе, в какой гостинице или конторе. А так, поскольку у моего мобильного номер, естественно, нью-йоркский, Джессика — это моя те-перешняя жена — думает, что я говорю с ней из Рима, Лондона или Вены, хотя я в это время могу находиться в Алжире, в Москве или в Израиле. Так и сейчас — кто бы мог предположить, что я, будучи в Париже, сижу в номере задрипанного отеля за пятьдесят евро?

На самом деле у меня два мобильных. Один — тот официальный, нью-йоркский — звонит ре-минорной токкатой Баха. Ну, все ее прекрасно знают — так через Иоганна Себастьяна Господь напоминает нам о неминуемой смерти и предстоящем Страшном суде. Второй, с французским номером, я взял по приезду.

Во Франции, в отличие, например, от Греции, где я был в прошлый приезд в Европу, вы не можете совершенно анонимно купить в любом магазине сим-карту, вставить ее в свой — или другой, купленный для этой цели, — телефон и получить таким образом местный номер, который нужен только на время операции. Здесь, чтобы вам дали право обзавестись собственным мобильным средством связи, нужно предоставить больше документов, чем в Штатах при получении банковского кредита, — включая последний счет за электричество на ваше имя. Я совершенно серьезно говорю! Поэтому для конспиративных контактов мне приходилось брать сотовый телефон напрокат. Этот телефон играет Моцарта, и его номер я сообщил только своему связнику в Париже, Николаю. По этой причине началом увертюры из «Свадьбы Фигаро» я за эти сутки насладился лишь однажды. В основном объявлялся Бах, как и сейчас.

На этот раз звонила Элис, моя ассистентка. Они теперь не любят, чтобы их называли секретаршами, хотя, по-моему, ничего уничижительного в этом нет. Но я эту условность принял, и теперь всем представляю ее как свою ассистентку.

Я взглянул на часы — ровно два. В Нью-Йорке — восемь утра. Элис всегда приходит на работу в восемь, даже когда я в отъезде.

— Пако? Слышите меня?

— Э-лис! Э-лис!

— А вот, вот, сейчас хорошо слышу!

Я знаю, почему она плохо слышит. Сидит, откинувшись в офисном кресле на колесиках, руки на клавиатуре, трубку прижимает к уху плечом. Она без дела не сидит: или печатает, или гуляет по интернету, или

в руке у нее бумажный стаканчик с кофе. И все это время параллельно говорит по телефону. Надо сказать ей, чтобы купила себе гарнитуру, как у операторов телефонных станций, диспетчеров или работников справочных служб.

Элис — двадцатисемилетняя совершенно восхитительная мулатка, похожая на Уитни Хьюстон. У нее шелковистая кожа цвета молочного шоколада, изумительной формы нос и — единственная африканская черта ее лица — чуть оттопыренная чувственная нижняя губа. Волосы у нее завиты на африканский лад и торчат во все стороны — но так сейчас ходят и датчанки. Одевается она, не думаю, что в магазинах на Медисон-авеню, но с какой-то изысканной простой элегантно-стью. При этом Элис окончила колледж и говорит, кроме английского, по-испански, по-французски и немного по-немецки.

Я до сих пор не понимаю, что она делает в моем агентстве! Ей место в Голливуде, на Бродвее или в фотостудии, снимающей рекламу какого-нибудь практически невидимого бьютигальтера. Более того, если бы я сам не нашел ее по объявлению три года назад, я бы постоянно мучился, думая, что Элис, конечно же, подсланный казачок. Хотя она у меня нормально зарабатывает — сорок тысяч долларов в год плюс три процента с полученной прибыли, — иногда я говорю себе, что только какие-то немыслимые государственные преимущества в зарплате, страховке и будущей пенсии офицера секретного подразделения ФБР заставляют эту явную угрозу для психического здоровья мужской части человечества каждый будний день являться в наш офис над ветеринарной клиникой на углу Лексингтон-авеню и 83-й улицы.

— Пако, я звоню по двум вопросам! — Голос у Элис низкий, теплый, такой же сексуальный, как и ее тело, поддерживаемое в безупречной форме занятиями аэробикой каждые вторник и пятницу. И в сексе по телефону она бы уже заработала себе состояние. — Во-первых, звонил Куртен. Он не может вам дозвониться, а послезавтра, в воскресенье, он уже улетит в Конакри. Так что вы обязательно должны встретиться сегодня или завтра. Наберите его прямо сейчас!

Это ее стиль — ткнуть своего рассеянного босса носом в дела, чтобы не отвлекался. Меня эта игра, когда тебя немного ведут на помочах, устраивает на все сто. Я про Жака действительно забыл начисто. Мало того, что пропал наш агент с контейнером, в котором я даже не знаю, какие сокровища находятся, так я наткнулся на Метека, и теперь даже главная причина моего приезда в Париж отошла на второй план. Что уж говорить про официальный повод?

— Пако, вы услышали меня?

Деликатность! Элис не говорит: «Вы поняли меня?» — как если бы у меня с мыслительными функциями были проблемы. Просто уточняет, не отвлекся ли я в этот момент.

— Да-да, прямо сейчас ему позвоню.

— Теперь, что еще я нашла! Оказывается, русские организуют каждое лето круиз на Северный полюс на атомном ледоколе. Сквозь все эти вечные льды с белыми медведями, моржами и тюленями. Стоит это каких-то безумных денег, чуть ли не двадцать тысяч, но сумасшедших ведь всегда хватает! Нас это интересует?

Нас это интересует. Я зарабатываю на жизнь всем нам, да еще и Конторе подбрасываю, своим

туристическим агентством Departures Unlimited. По-английски звучит красиво — это я сам придумал. Американцы, как и англичане, ставят после названия определенного типа компаний Ltd., то есть Limited, общество с ограниченной ответственностью. А так получается Неограниченные Отъезды, или Путешествия.

Мое турагентство специализированное. Сначала это был только культурный туризм для элиты. Какая-нибудь пара престарелых миллионеров ехала на месяц в Италию с профессором искусствоведения, который в любом музее знает, какая картина висит слева за следующей дверью. Такой тур — перелет первым классом, размещение в палаццо эпохи Возрождения, ужины с официантами в камзолах и с кружевным жабо — обходится в кругленькую сумму, и в Конторе даже думали, что я в первый же год пушу на ветер выделенный мне первоначальный капитал. Но в Нью-Йорке, где крутятся деньги всего мира, это оказалось золотым дном. Мои первые клиенты стали обращаться к нам постоянно, почти все привели друзей, знакомых и партнеров, и за пятнадцать лет мы от итальянского Кватроченто через, по-моему, все известные на сегодняшний день художественные школы и течения дошли уже до кельтских дольменов и полузаросших буддистских храмов в джунглях Камбоджи.

Все эти индивидуальные поездки с искусствоведами до сих пор пользуются популярностью, но делать каждый год одно и то же скучно. И клиентам, и нам самим! Так что мы стали развивать экстремальный туризм. Типа ловли пирании на Амазонке или сплава на плотках по рекам Горного Алтая.

— И кто именно организует эти круизы на Северный полюс?